

Нил ГЕЙМАН

Вид с дешевых мест

«Эта книга — великолепное признание в любви: любви к чтению и сочинению книг, любви к мечтам и к целому литературному жанру».

Джуно Диас, обладатель Пулитцеровской премии за роман «Короткая фантастическая жизнь Оскара Вау»

Миры Нила Геймана

Нил Гейман

Вид с дешевых мест (сборник)

«Издательство АСТ»

2016

УДК 82-4
ББК 84(4 Вел)-44

Гейман Н.

Вид с дешевых мест (сборник) / Н. Гейман — «Издательство АСТ», 2016 — (Миры Нила Геймана)

ISBN 978-5-17-102197-9

Перед вами увлекательный сборник очерков и статей на самые разные темы – от искусства и его творцов до сновидений, мифов и воспоминаний – от Нила Геймана, автора множества книг, лидирующих в списке бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». Гейман сочетает легкость слога с искренностью и глубиной. Стил ь его узнаваем – и отличает не только его художественные произведения, но и публицистику. Любознательный наблюдатель, вдумчивый комментатор, усердный труженик и мастер своего дела, Нил Гейман уже не первый десяток лет известен в мире литературы как писатель-интеллектуал, одаренный яркой фантазией, и его лучшие художественные книги отмечены всеми этими достоинствами. Но вот наконец у читателей появилась возможность познакомиться с лучшими его публицистическими работами, впервые собранными под одной обложкой в книге «Вид с дешевых мест». Проницательные и остроумные, мудрые и неизменно содержательные, все эти статьи и заметки посвящены темам и вопросам, которые Нил Гейман считает особенно важными. «Вид с дешевых мест» – это шанс заглянуть в мысли и сердце одного из самых известных, признанных и влиятельных писателей нашего времени.

УДК 82-4
ББК 84(4 Вел)-44

ISBN 978-5-17-102197-9

© Гейман Н., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Предисловие	7
I. Кое-что, во что я верю	9
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Нил Гейман

Вид с дешевых мест

(Сборник)

Neil Gaiman

The View From The Cheap Seats

© Neil Gaiman, 2016

© Jacket photographs by Allan Amato

© А. Блейз, А. Осипов, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Эшу, который сейчас еще совсем маленький. Вырастет – прочтет.
И узнает, что любил его папа и о чем он говорил, о чем заботился
и во что верил – когда-то, давным-давно.*

Предисловие

В свое время я отошел или, вернее, отполз бочком от журналистики, потому что хотел сочинять все, что мне вздумается, без помех. Мне было скучно говорить правду и ничего кроме правды; то есть я хотел говорить правду, но так, чтобы не приходилось постоянно беспокоиться о фактах.

И вот сейчас, когда я печатаю эти строки, передо мной на столе лежит огромная кипа бумаг, и все они сплошь исписаны моими словами. Все эти статьи я написал уже после того, как ушел из журналистики, и – вот сюрприз! – в каждой из них изо всех сил старался держаться фактов. Иногда не получалось. Например, интернет уверяет нас, что уровень неграмотности среди детей десяти-одиннадцати лет вовсе не используют для оценки того, сколько новых тюремных камер понадобится стране в ближайшем будущем, – хотя я был на одном мероприятии, где тогдашний глава нью-йоркского департамента образования со всей определенностью утверждал противоположное. И только сегодня утром в новостях Би-би-си сообщили, что лишь около половины заключенных Великобритании научились читать в одиннадцать лет или раньше.

В эту книгу вошли мои речи, эссе и предисловия к другим книгам. Некоторые из предисловий я решил включить в издание просто потому, что мне нравятся авторы или книги, которым они предпосланы, и я надеюсь, что моя любовь передастся читателю. А некоторые – потому, что при работе над ними я очень постарался разяснить какие-то свои убеждения и высказать нечто такое, что – чем черт не шутит! – может даже оказаться важным.

Многие писатели, у которых я все эти годы учился своему ремеслу, были в своем роде проповедниками. Питер С. Бигль написал эссе «Волшебное кольцо Толкина», которое я прочел еще в детстве, – и оно подарило мне Толкина и «Властелина колец». Несколько лет спустя Г. Ф. Лавкрафт в одном своем длинном очерке, а затем и Стивен Кинг в одной небольшой книжке поведали мне о писателях и историях, которые сформировали жанр ужасов и без которых моя жизнь была бы гораздо беднее. Читая эссе Урсулы Ле Гуин, я выискивал книги, на которые она ссылалась для иллюстрации своих мыслей. Харлан Эллисон был очень плодовитым писателем, и его эссе и сборники открыли мне немало новых имен. Мне всегда казалось совершенно естественным, что писатели могут читать чужие книги с удовольствием, иногда даже попадая под их влияние, и рекомендовать понравившиеся книги другим. Литература не может жить в вакууме. Она не может развиваться как монолог. Литература – это беседа, в которую нужно постоянно вовлекать новых людей, новых читателей. И я надеюсь, что среди творцов и их творений, о которых вы прочтете в этом сборнике, найдется что-нибудь – возможно, какая-нибудь книга, или фильм, или песня, – что вызовет у вас живой интерес.

Я сейчас печатаю эти строки на ноутбуке, а на коленях у меня лежит младенец. Он ворчит и попискивает во сне. Он – мое счастье, но, глядя на него, я начинаю чувствовать себя уязвимым: старые, давно забытые страхи вновь выползают на свет из темных углов.

Несколько лет назад один писатель, который тогда был ненамного старше, чем я сейчас, сказал мне (безо всякой горечи и злости, совершенно буднично), что это, мол, очень хорошо, что я еще так молод: мне, в отличие от него, не приходится каждый день смотреть во тьму и сознавать, что лучшие мои книги уже написаны. Примерно в то же время другой, которому было уже за восемьдесят, признался, что его поддерживает на плаву только мысль о том, что лучшая его книга еще впереди – по-настоящему великая книга, которую он когда-нибудь напишет.

Я хотел бы пойти по стопам второго. Я тешу себя мыслью о том, что в один прекрасный день мне удастся создать что-то по-настоящему замечательное, хотя, боюсь, последние тридцать с лишним лет я только и делаю, что повторяюсь. С возрастом всякая новая вещь, всякая

новая книга начинает напоминать о чем-то, что уже было. События рифмуются. Ничего уже не бывает в первый раз.

Я написал немало предисловий и к своим собственным книгам – длинных предисловий, в которых я подробно рассказываю о том, при каких обстоятельствах появились на свет те или иные эпизоды романа или рассказы в сборнике. Но это предисловие будет коротким, и большинство эссе, вошедших в него, так и останутся без объяснений. «Вид с дешевых мест» – это вовсе не «полное собрание публицистических произведений Нила Геймана». Это всего лишь разношерстная подборка речей и статей, очерков и предисловий. Среди них есть и серьезные, и легкомысленные, и очень искренние, и такие, которые я написал в надежде, что люди ко мне прислушаются. Вы совершенно не обязаны прочесть их все до единого или читать в каком-то определенном порядке. Я расположил их в таком порядке, который показался мне мало-мальски осмысленным: вначале идут публичные выступления и тому подобное, ближе к концу – более личные тексты, написанные от души, а посередине – всякая всячина, то есть статьи о литературе и кино, о комиксах и музыке, о разных городах, ну и вообще о жизни.

В этой книге я пишу среди прочего о вещах и людях, близких моему сердцу. Некоторые из них даже вошли в мою жизнь. Вообще я всегда стараюсь писать изнутри той ситуации, в которой нахожусь, а из-за этого в моих текстах, возможно, бывает слишком много от меня самого.

Так или иначе, я оставляю вас с этой книгой один на один, но прежде хочу сказать несколько слов благодарности.

Спасибо всем издателям, заказывавшим в свое время эти тексты.

Простое «спасибо» не может передать, насколько я благодарен Кэт Говард, которая перечитала уйму моих статей и предисловий и решила, какие из них подойдут для этой книги, а каким предстоит кануть во тьму забвения, а затем раз десять-пятнадцать перестраивала их в разном порядке, чтобы я всякий раз мог заявить: «А мне кажется, лучше сделать вот как...» Да, я постоянно ставил ей палки в колеса! Каждый раз, как ей казалось, что состав сборника определился окончательно, я внезапно вспоминал: «А где-то у меня было еще одно эссе как раз на эту тему...» – и принимался обшаривать свой жесткий диск или рыскать на пыльных полках в поисках очередного дополнения. Кэт – настоящая святая (возможно, в ее лице к нам вернулась Жанна д'Арк).

Спасибо тебе, Шилд Боннихсен: если бы не ты, одно из нужных эссе потерялось бы навсегда. Спасибо вам, Кристина Ди Крокко и Кэт Михос: вы находили и перепечатывали тексты и вообще очень мне помогали и были просто чудесные.

И еще огромное спасибо моему агенту Меррили Хайфец, моему американскому издателю Дженнифер Брель, моему британскому издателю Джейн Морпет и – всегда и вовеки – Аманде Палмер, моей прекрасной жене.

Нил Гейман

I. Кое-что, во что я верю

«Я верю, что в войне между пушками и идеями в конце концов победят идеи».

Мой символ веры

Я верю, что идею трудно убить, потому что идеи невидимы, очень заразны и очень проворны.

Я верю, что вы вольны противопоставлять свои собственные идеи тем, которые вам не по душе. У вас есть полное право доказывать, объяснять, истолковывать, спорить, обижать, оскорблять, злиться, высмеивать, воспевать, сгущать краски и отрицать.

Я не верю, что в попытках остановить распространение неприятных вам идей имеет смысл сжигать, стрелять и взрывать, разбивать людям головы камнями (очевидно, чтобы нехорошие идеи вышли наружу), топить несогласных или даже завоевывать их города. Все это не поможет. Идеи – точь-в-точь как сорняки: прорастают там, где их не ждешь, и потом от них уже не избавиться.

Я верю, что подавление идей только способствует их распространению.

Я верю, что люди, книги и газеты – это носители идей, но сжигать людей, которые забрали себе в голову какую-то идею, так же бессмысленно, как бомбить газетные архивы. Попросту говоря, уже поздно. С идеями всегда так: они всегда на шаг впереди. Они уже пробрались людям в головы и сидят там, дожидаясь своего часа. Их передают друг другу шепотом. Их пишут на стенах под покровом ночи. Их воплощают в рисунках.

Я верю, что идея не обязана быть правильной, чтобы иметь право на существование.

Я верю, что вы имеете полное право веровать всей душой, что образы божества, пророка или человека, которые вы чтите, священны и непорочны, – точно так же, как я сам имею полное право веровать в святость слова и святость права на насмешки, замечания, споры и выражение собственных мнений.

Я верю, что у меня есть право ошибаться – и в словах, и в мыслях.

Я верю, что вы можете бороться с этим, выдвигая свои аргументы или попросту не обращая на меня внимания, – и что сам я могу точно так же бороться с теми ошибками, которые, по моему мнению, допускаете вы.

Я верю, что у вас есть полное право придерживаться мнений, которые я нахожу оскорбительными, глупыми, нелепыми или небезопасными, и что вы вправе высказывать, выражать на письме и распространять эти мнения сколько угодно. Я же, со своей стороны, не имею права убивать и калечить вас или отнимать у вас имущество и свободу только потому, что ваши идеи кажутся мне опасными, обидными или попросту отвратительными. Возможно, и вам некоторые мои идеи кажутся сущей мерзостью.

Я верю, что в войне между пушками и идеями в конце концов победят идеи. Потому что идеи невидимы, и очень живучи, и даже иногда на поверку оказываются правильными.

Errir si muove: и все-таки она вертится!

Отрывок из этого эссе был впервые опубликован в газете «Гардиан» 19 января 2015 года, с иллюстрациями Криса Ридделла. Полностью впервые опубликовано в журнале «Нью Стейтсмен» 27 мая 2015 года, с иллюстрациями Дэйва Маккина.

Почему наше будущее зависит от библиотек, чтения и умения мечтать: лекция, прочитанная в Агентстве по чтению¹ в 2013 году

Очень важно, чтобы люди вам говорили, на какой они стороне и почему – и стоит ли ожидать от них пристрастности. Эдакая декларация членских интересов. Итак, я намерен поговорить с вами о чтении. И рассказать о том, как важны библиотеки. И даже предположить, что чтение художественной литературы, чтение удовольствия ради – одна из важнейших вещей, которыми вообще может заниматься человек. Сейчас я буду от всего сердца призывать вас понять, что такое на самом деле библиотеки и библиотекари, и спасти то и другое.

И в этом вопросе я очень пристрастен – невероятно и очевидно: я – писатель, и в том числе автор художественной литературы. Я пишу для детей и для взрослых. Вот уже около тридцати лет я зарабатываю на жизнь словом – в основном выдумывая всякие вещи и потом записывая их. В моих прямых интересах, чтобы люди читали – и читали художественную литературу; чтобы библиотеки и библиотекари продолжали жить и помогали воспитывать любовь к чтению и к тем местам, которые предназначены для чтения.

Так что да, я пристрастен как писатель.

Но в еще большей – и гораздо большей! – степени я пристрастен как читатель. И даже еще более пристрастен – как гражданин Великобритании.

И сегодня я выступаю с этой речью под эгидой Агентства по чтению, благотворительной организации, миссия которой – предоставить всем и каждому равные шансы в жизни, помогая стать уверенным и увлеченным читателем книг. Эта организация поддерживает образовательные программы, библиотеки и частных лиц, а также неприкрыто и безо всякого удержу поощряет сам акт чтения. Потому что, как уверяют эти люди, когда мы читаем, все вокруг меняется.

И вот об этих-то переменах, об этом-то акте чтения я и хочу поговорить с вами сегодня вечером. Я хочу поговорить о том, что делает с нами чтение. И для чего оно вообще нужно.

Как-то в Нью-Йорке я слушал чье-то там выступление о строительстве частных тюрем – эта отрасль переживает сейчас в Америке период колоссального роста. Тюремная индустрия тоже должна планировать свое будущее развитие: сколько камер ей понадобится в следующем году? Так вот, они обнаружили, что предсказать это очень легко – с помощью простейшего алгоритма, основанного на статистике: какой процент десяти- и одиннадцатилеток не умеет читать (и уж конечно не знает, что такое чтение ради удовольствия).

Это не однозначное соотношение: нельзя сказать, что в поголовно грамотном обществе нет преступности. И все же корреляции очень реальны.

И, мне думается, некоторые из них, самые простые, основаны на чем-то прямо-таки невероятно простом. Грамотные люди читают художественную литературу, а художественная литература нужна для двух вещей. Во-первых, это стартовый наркотик, подсаживающий на чтение. Желание узнать, что там будет дальше, перевернуть страницу; тяга продолжать, как бы ни было тяжело, потому что кто-то попал в беду, и теперь вы просто обязаны узнать, чем оно все закончится...

...вообще-то это очень серьезная тяга. Она заставляет людей учить новые слова, думать новые мысли, не сдаваться. И открывать для себя, что чтение само по себе уже приносит удовольствие. Стоит это почувствовать, и вам останется одна дорога – читать все подряд. Чтение само есть ключ. Несколько лет назад поднялся какой-то шум (впрочем, совсем ненадолго), что мы, дескать, живем в постлитературную эпоху и что умение извлекать смысл из написанных кем-то слов больше нам не пригодится. Сегодня этот шум уже стих: обнаружи-

---

¹ Независимая британская благотворительная организация, поощряющая чтение. – Здесь и далее примечания переводчиков, если не указано иное.

лось, что сейчас слова для нас стали еще более важны, чем когда-либо. С помощью слов мы ориентируемся в мире, а коль скоро мир неуклонно скатывается в интернет, нам приходится следовать за ним. То есть – понимать, *что* мы читаем на экране, и уметь передать другим это понимание.

Люди, которые не понимают друг друга, не могут обмениваться идеями, не могут общаться, а возможности программ-автопереводчиков далеко не безграничны.

Самый простой способ воспитать грамотных, образованных детей – это научить их читать и показать, что чтение – очень приятное занятие. В самом простом варианте это означает находить книги, которые детям нравятся, обеспечивать доступ к этим книгам и позволять их читать.

Не думаю, что существует такое явление, как плохая детская книга. То и дело среди взрослых возникает мода взять какой-нибудь жанр детской литературы или, скажем, автора и объявить, что это плохие книги и нельзя давать их читать детям. Я уже не раз такое видел: и Энид Блайтон называли плохой писательницей, и Р. Л. Стайна, и еще десятки других². Кстати, считалось, что комиксы способствуют безграмотности.

Это вздор. Более того, это снобизм и глупость.

Не существует плохих детских писателей – если детям они нравятся и дети хотят их читать. Потому что все дети разные. Они сами в состоянии отыскать истории, которые им нужны, сами могут решить, прочесть их или нет. Избитая, банальная идея совсем не избита и не банальна для того, кто столкнулся с ней в первый раз. Даже если вы считаете, что какая-то книга не подходит для ребенка, это не повод запрещать ее. Несимпатичная вам книга вполне может оказаться тем самым стартовым наркотиком, который приохотит ребенка к другим книгам – в том числе и тем, которые вы сами были бы рады ему дать. И потом, не забывайте: вкусы у всех разные.

Благонамеренные взрослые с легкостью могут уничтожить в ребенке любовь к чтению: достаточно не давать ему читать то, что нравится, или давать достойные, но скучные книги, которые нравятся *вам*, – современный эквивалент викторианской «исправительной» литературы. В итоге у вас получится поколение, совершенно уверенное, что читать – это некруто и, еще того хуже, неинтересно.

Мы только должны поставить ребенка на первую ступеньку читальной лестницы – и тогда все, что ему понравилось читать, будет продвигать его, ступенька за ступенькой, вверх, к настоящей образованности.

(Ну и еще не надо повторять ошибок вот этого вот писателя, который сейчас стоит перед вами и который подсунул своей одиннадцатилетней дочери, обожавшей Р. Л. Стайна, экземпляр «Кэрри» Стивена Кинга, со словами: «Если тебе нравится вон то, явно понравится и вот это!» С тех пор и где-то до середины подросткового периода Холли читала исключительно мирные сказки об американских пионерах на лоне прерий и до сих пор кидает на меня свирепые взгляды, стоит только упомянуть Кинга.)

Вторая вещь, которую делает художественная литература, – она пробуждает эмпатию. Когда вы смотрите телевизор или кино, вы видите то, что происходит с какими-то другими людьми. А художественная проза – это то, что вы строите сами, из двадцати шести букв и горсточки знаков препинания. Вы сами, единолично, создаете целый мир, и населяете его персонажами, и глядите на него их глазами. Вы чувствуете такие вещи и посещаете такие места и миры, о которых иначе бы даже не подозревали. Вы узнаете, что каждый там – тоже «я», тоже вы. Вы становитесь кем-то еще, а потом возвращаетесь в свой собственный мир уже немножко другим.

---

² Энид Блайтон (1897–1968) – британская писательница, автор детских книг-бестселлеров, проданных по всему миру тиражами более шестисот миллионов экземпляров. Роберт Лоуренс Стайн (р. 1943) – американский писатель, прозванный «Стивеном Кингом» детской литературы.

Эмпатия – это инструмент, который строит из отдельных людей группы и сообщества, потому что дает каждому возможность побыть не просто самоупоенным индивидуумом, а чем-то большим.

А еще, читая, вы узнаете одну вещь, которая потом будет жизненно важна для обретения собственного пути в этом мире. Вот какую:

ОН, МИР, НЕ ОБЯЗАН БЫТЬ ИМЕННО ТАКИМ. ВСЁ МОЖНО ИЗМЕНИТЬ.

Художественная литература может показать вам другой мир. Она отведет вас туда, где вы еще не бывали. А посетив иные миры, вы, подобно тем, кто отведал пищи фей, уже никогда не будете полностью довольны миром старым, в котором выросли и привыкли жить. Недовольство – вообще-то отличная штука: оно дает человеку возможность изменять и исправлять свой мир, оставляя его после себя лучше, чем он был.

И раз уж мы об этом заговорили, позволю себе несколько слов об эскапизме. Его обычно считают чем-то плохим. Вроде как «эскапистская» литература – это что-то вроде дешевого опиата на потребу запутавшимся в иллюзиях глупцам, и единственная литература, годная что для детей, что для взрослых, – это литература «реалистическая», подражательная, демонстрирующая, как в зеркале, все самое худшее, что только есть в мире, где волею судеб очутился читатель.

Если вы оказались заперты в невыносимой ситуации, в неприятном месте, с людьми, которые желают вам зла, и кто-то вдруг предлагает вам пусть временное, но все же спасение – почему бы не воспользоваться шансом? Именно этот шанс и дает нам эскапистская литература: она открывает дверь к свободе, показывает, что снаружи светит солнце, подсказывает дорогу в места, где вы снова окажетесь у руля и в компании тех, с кем действительно хотите быть (а книги – это самые что ни на есть реальные места, давайте не будем об этом забывать). И, что еще более важно, во время такого побега книги помогают вам лучше понять мир и то затруднительное положение, в котором вы оказались; они дают вам оружие, дают доспехи – самые настоящие, реальные вещи, которые вы потом сможете унести обратно, в свою тюрьму. Знания, умения и инструменты, которыми вы сможете воспользоваться, чтобы сбежать уже взаправду.

Как говорил К. С. Льюис, единственные, кто всегда протестует против побега, – это тюремщики.

Еще один способ убить в ребенке любовь к чтению – это, конечно же, сделать так, чтобы вокруг вообще не было никаких книг. Или, если книги есть, чтобы их нигде было читать.

Мне повезло: когда я рос, у нас по соседству была просто превосходная библиотека. И родители у меня были из тех, кто на летних каникулах может по дороге на работу просто забросить туда ребенка... а библиотекари ничего не имели против, чтобы маленький мальчик самостоятельно шастал к ним каждое утро и собственными силами прогрызал дорогу сквозь предметный каталог в поисках книг, где были бы призраки, магия или ракеты – а еще лучше, если вампиры, сыщики, ведьмы, чудеса... И, закончив с детской секцией, принялся бы за взрослые книги.

Это были очень хорошие библиотекари. Они любили книги и любили, чтобы книги читали. Они научили меня заказывать книги из других библиотек по межбиблиотечному абонементу и никогда не насмехались над тем, что я хотел прочесть. Им, кажется, просто нравилось, что есть вот такой малыш с громадными глазами, который любит читать. Они разговаривали со мной о книгах, находили мне следующие тома из серий и вообще помогали чем могли. Они относились ко мне как к одному из читателей – не больше, но и не меньше, – а это значит, что они относились ко мне с уважением. В свои восемь лет я как-то не привык, чтобы ко мне относились с уважением.

Библиотеки – это Свобода. Свобода чтения, свобода идей, свобода общения. Библиотеки – это образование (которое отнюдь не заканчивается в тот день, когда за нами закрываются

двери школы или университета), это развлечение, это безопасные убежища и неограниченный доступ к информации.

Меня очень беспокоит то, что здесь, в двадцать первом веке, люди неправильно понимают, что такое библиотеки и зачем они нужны. Если для вас библиотека – это просто полка с книгами, ей впору показаться старомодной или даже устаревшей в эпоху, когда большинство печатных книг (хотя и не все) существует и в цифровом формате. Но те, кто так думает, упускают из виду самое главное.

Полагаю, дело тут на самом деле в природе информации.

Информация обладает ценностью, а ценность правдивой информации просто неизмерима. На всем протяжении истории человеческого рода мы жили в условиях информационного дефицита. Обладание нужной информацией всегда было важно и всегда чего-то стоило: когда сажать зерно, где находить географические карты, как узнавать новые истории, реальные или вымышленные, которые придутся к столу и к компании. Информация была важна, и те, кто ею владел или мог добыть ее, могли и назначать за нее цену.

За несколько последних лет мы перешли от информационного дефицита к экономике, которой движет информационный переизбыток. Эрик Шмидт из компании «Гугл» утверждает, что сейчас каждые два дня человечество производит столько же информации, сколько от самой зари цивилизации до 2003 года. Это примерно по пять эксабайт данных в день – если вам интересны цифры. И теперь наша с вами проблема – отыскать не одинокую травинку в безбрежной пустыне, а *некое определенное* растение в непролазной чаще джунглей. И в этом информационном море никак не обойтись без лодчмана.

Библиотеки – это такие места, куда люди ходят за информацией. И книги – это только верхушка информационного айсберга: да, они есть, они существуют, и библиотеки призваны снабжать вас ими свободно и на законных основаниях. Сейчас больше детей, чем когда-либо, берут книги в библиотеках – всевозможные книги, бумажные, цифровые, аудио. Но библиотеки – это еще и такое место, где люди, у которых, например, нет компьютера и интернета, могут совершенно бесплатно выйти в сеть, и это очень важно сейчас, когда поиск работы, подача всевозможных заявлений и социальные платежи неуклонно мигрируют в онлайн-сферу. И библиотекари помогают таким людям ориентироваться в мире.

Я не думаю, что все книги должны в обязательном порядке перекочевывать на экран или когда-нибудь поголовно это сделают. Как сказал мне однажды Дуглас Адамс (лет двадцать тому назад, когда никакого «Киндла» еще на свете не было), бумажная книга похожа на акулу. Акулы очень стары: они плавали по океанам еще до динозавров. И причина тому, что вокруг нас все еще встречаются акулы, довольно проста: они научились быть акулами лучше всех. Физические книги суровы, трудноуничтожимы, в целом водонепроницаемы, питаются солнечной энергией и хорошо ложатся в руку: они довели умение быть книгами до совершенства, и для них в мире всегда найдется ниша. Они обитают в библиотеках, а библиотеки уже надежно и прочно стали такими местами, где человек может добраться до электронных книг, аудиокниг, DVD и веб-контента.

Библиотека – это место, где хранится информация и обеспечивается равный доступ к ней для всех граждан. В том числе и информация о здоровье. И о душевном здоровье – тоже. Это такое специальное общее пространство. Безопасное пространство, убежище от всего мира – и в этом специальном пространстве водятся библиотекари. А на что станут похожи библиотеки будущего, самое время попробовать представить себе сейчас.

Образованность сегодня важна как никогда – в мире текстовых сообщений и электронной почты, в мире письменной информации. Нам нужно уметь читать и писать, нам нужны граждане мира, которые могут с удовольствием читать, понимать прочитанное, улавливать нюансы и делать так, чтобы другие люди тоже их понимали.

Библиотеки – это настоящие врата в будущее. И потому особенно печально, когда по всему миру местные власти закрывают библиотеки, чтобы хоть как-то сэкономить, – не понимая, что в буквальном смысле слова крадут у будущего, чтобы оплатить настоящее. Они сами, своими руками закрывают ворота, которые должны во что бы то ни стало оставаться открытыми.

Согласно недавним исследованиям Организации экономического сотрудничества и развития, Англия оказалась «единственной страной, где, с учетом таких дополнительных факторов, как гендер, социально-экономическая среда и род занятий, самая старшая возрастная группа показала бо́льшую литературную и математическую грамотность, чем самая младшая».

Иначе говоря, наши дети и внуки читают и считают хуже, чем мы. Они меньше способны ориентироваться в мире, понимать его, решать его проблемы. Их проще обмануть и ввести в заблуждение, у них будет меньше шансов изменить мир, в котором они очутились, они менее трудоспособны – вот все это сразу, вместе. И как страна Англия вскоре поплетется в хвосте у других развитых наций, потому что у нее будет дефицит квалифицированной рабочей силы. И пока политики винят в этом своих противников, мы должны осознать: истина – в том, что мы должны научить детей читать и любить чтение.

Нам нужны библиотеки, нужны книги, нужны грамотные и образованные граждане.

Думаю, совершенно неважно, будут ли эти книги бумажными или цифровыми, и станете ли вы читать, разворачивая пергаментный свиток или прокручивая текст на экране. Важно содержание.

Но книга и сама по себе – содержание, и это тоже важно.

Посредством книги с нами общаются мертвые. Так мы выучиваем уроки тех, кого с нами больше нет, так человечество строит себя на своих же костях, развивается, постепенно накапливая знание, вместо того чтобы осваивать его с нуля снова и снова. Существуют сказки, которые старше большинства государств, сказки, давно пережившие свои культуры и те здания, под крышей которых их когда-то впервые рассказали.

Думаю, мы несем ответственность перед будущим. Ответственность и обязательства перед детьми и теми взрослыми, которыми эти дети когда-нибудь станут, перед миром, который они будут населять. Все мы – читатели, писатели, граждане: у всех нас есть обязательства. Думаю, я даже попробую изложить здесь некоторые из этих обязательств.

Полагаю, у нас есть обязательство читать ради удовольствия – в частных и публичных местах. Если мы читаем ради удовольствия, если другие видят нас за книгой, значит, мы учимся, мы упражняем свое воображение. Мы показываем окружающим, что читать – это здорово.

У нас есть обязательство поддерживать библиотеки. Пользоваться ими и поощрять к этому других, протестовать против закрытия библиотек. Если вы не цените библиотеки, значит, вы не цените информацию, или культуру, или человеческую мудрость в целом. Вы глушите голоса прошлого и наносите вред будущему.

У нас есть обязательство читать детям вслух. Читать им то, что они любят. Читать истории, от которых сами мы уже давно устали. Читать так, чтобы им было интересно, на разные голоса, – и не переставать читать им только потому, что они уже научились читать сами. У нас есть обязательство использовать это самое чтение вслух как время для упрочения семейных уз, когда никто не проверяет никакие телефоны, когда все другие дела до поры забыты.

У нас есть обязательство пользоваться родным языком. Не успокаиваться на достигнутом, узнавать, что означают разные слова и как их правильно использовать, как общаться понятно, как высказывать именно то, что мы подразумеваем. Мы не должны пытаться заморозить язык в неизменности или делать вид, будто это мертвец, которому нужно воздавать божеские почести, – напротив, мы должны принимать его как нечто живое, что течет, меняется, заимствует слова и дает смыслам и произношениям видоизменяться со временем.

Мы, писатели, – в особенности те, кто пишет для детей, но вообще-то все, независимо от жанра, – тоже несем ответственность перед своими читателями: ответственность за то, чтобы писать правду. Это особенно важно, когда мы создаем истории о людях, которых не существует, и местах, в которых никогда не бывали; мы обязаны понимать, что истина – не в том, что с кем-то случается, а в том, что эти события рассказывают нам о том, кто мы такие. В конце концов, художественная литература – это ложь, которая говорит нам правду. У нас есть обязательство не нагонять на читателей скуку, а, напротив, заставлять их переворачивать страницы. Одно из лучших лекарств для неохотного читателя – история, от которой он не сможет оторваться. И хотя мы должны говорить нашим читателям правду, снабжать их оружием и доспехами и передавать им всю мудрость, какой только сумели набраться за свое короткое пребывание в этом зеленом мире, у нас есть и другое обязательство: не читать им ни нотаций, ни проповедей, не совать готовую мораль им в глотки, не уподобляться взрослым птицам, которые кормят своих птенцов полупереваренными червяками. И еще у нас есть обязательство никогда, никогда, ни при каких обстоятельствах не писать для детей такого, чего нам не захотелось бы прочитать самим.

У нас есть обязательство понимать и признавать тот факт, что как авторы детских книг мы делаем важную работу: ведь если мы все испортим и своими книгами отвратим детей от чтения, мы непоправимо обедним и свое будущее, и их.

У нас у всех – взрослых, детей, писателей и читателей – есть обязательство мечтать. Обязательство воображать. Нетрудно притвориться, что никто на самом деле ничего не может изменить, что мы живем в мире, где общество – это всё, а индивидуум – меньше, чем ничего: атом цемента в стене, рисинка на рисовом поле. Истина, однако, состоит в том, что индивидуумы снова и снова меняют свой мир, индивидуумы творят будущее – и делают это, именно *представляя, что все может быть устроено по-другому*.

Оглянитесь вокруг. Нет, я правда прошу вас оглянуться. Маленькая пауза, на секунду. Поглядите на эту комнату, в которой мы сейчас сидим. Я хочу показать вам нечто настолько очевидное, что о нем обычно напрочь забывают. Вот оно: все, что вы видите, включая и сами стены, когда-то было кем-то представлено. Кто-то решил, что на стуле будет сидеть удобнее, чем на земле, – и изобрел стул. Кто-то должен был придумать способ, чтобы сейчас и здесь, в Лондоне, я мог разговаривать с вами и нам на голову при этом не капал дождь. Эта комната и всё, что в ней есть, и вообще всё в этом здании, в этом городе, существует только потому, что люди представляли себе разные вещи – опять, и опять, и опять. Они мечтали, они размышляли, они делали то, что отказывалось работать; они рассказывали о том, чего пока еще не существует, тем, кто за это над ними смеялся.

А потом, в свое время, они добивались успеха. Политические процессы, внутренние личностные процессы – всё начинается с того, что кто-то берет и представляет себе, что все может быть по-другому.

У нас есть обязательство создавать красоту, не бросать мир после себя безобразнее, чем мы его в свое время получили. Обязательство не опустошать океаны, не оставлять свои проблемы грядущим поколениям. У нас есть обязательство убирать за собой и не передавать нашим детям в наследство мир, который мы недальновидно испортили, искалечили, извратили.

У нас есть обязательство доносить до политиков, чего мы хотим, и голосовать против политиков все равно какой партии, которые не понимают ценности чтения для формирования достойных граждан, которые не желают способствовать сохранению и защите знаний и распространению образованности. Это вообще не вопрос партийной политики – это вопрос простой человечности.

Альберта Эйнштейна как-то спросили, как нам вырастить своих детей умными. Его ответ оказался сразу и прост, и мудр.

– Если вы хотите, чтобы ваши дети выросли умными, – сказал он, – читайте им волшебные сказки. А если хотите, чтобы они поумнели еще больше – читайте еще больше сказок.

Уж он – то понимал важность чтения и фантазии. А я, в свою очередь, надеюсь, что мы сумеем подарить нашим детям мир, в котором им будут читать, и они сами будут читать, и мечтать, и понимать.

Спасибо, что выслушали.

Эту лекцию я прочел в 2013 году для Агентства по чтению – британской благотворительной организации, помогающей людям стать более компетентными и профессиональными читателями.

Ложь как способ зарабатывать на жизнь... и почему мы этим занимаемся: речь на вручении Медали Ньюбери в 2009 году

1

На тот случай, если вам вдруг интересно, что это я тут, наверху, делаю (а теперь я уже со всей определенностью могу сказать, что это именно я), – так вот, я здесь потому, что написал книгу «История с кладбищем», которую наградили Медалью Ньюбери 2009-го года.

Это значит, что я произвел впечатление на собственных дочерей – тем, что получил медаль. И даже еще большее – на собственного сына, тем, как защитил факт ее получения от утомительных атак Стивена Колбера в «Отчете Колбера»³. Так что да, Медаль Ньюбери сделала меня крутым в глазах собственных детей.

Лучше и быть не может.

Учитывая, что в глазах детей ты почти никогда крутым не бываешь.

2

Когда я был мальчишкой, лет где-то с восьми до четырнадцати, я на школьных каникулах шатался по нашей местной библиотеке, что твое привидение. До нее было полторы мили, так что родители забрасывали меня туда по дороге на работу, а когда библиотека закрывалась, я брел оттуда пешком домой. Я был нескладный парнишка, неприспособленный к жизни, неуверенный в себе, и библиотеку нашу любил страстно. Мне ужасно нравился карточный каталог, особенно карточный каталог детской секции: он был еще и тематический, не только по авторам и названиям, так что можно было выбирать темы, обещавшие книги, которые мне, скорее всего, понравятся: про магию, про привидений, про ведьм или про космос. Потом я шел, находил эти книги – и читал.

Читал я беспорядочно, упоенно, жадно. В буквальном смысле жадно. Папа иногда не забывал положить мне с собой сэндвичи – которые я брал с большой неохотой (в глазах своих детей ты почти никогда не крутой, не забыли? Папину настойчивость я воспринимал как вероломный заговор с целью поставить меня в неловкое положение перед другими посетителями библиотеки). Уже вконец проголодавшись, я выходил на библиотечную парковку и украдкой заглывал сэндвичи – с дикой скоростью, чтобы поскорее нырнуть обратно в море книг.

---

³ «Отчет Колбера» – американское сатирическое и комедийное вечернее телешоу, выходившее с 2005 по 2014 гг. на канале «Камеди Сентрал».

Я читал там превосходные книги блестящих и умных авторов – многие из них сейчас уже позабыты или вышли из моды, как Дж. П. Мартин, и Маргарет Стори, и Николас Стюарт Грей. Я читал викторианских и эдвардианских писателей. Я с равным аппетитом пожирал и такие книги, которые с удовольствием перечитал бы и теперь, и такие, которые теперь, вздумай я к ним вернуться, счел бы совершенно неудобоваримыми – «Альфред Хичкок и три сыщика» и тому подобное. Я хотел книг вообще и не делал различия между хорошими и плохими – только между теми, которые по-настоящему любил, которые говорили с моей душой, и теми, которые просто нравились. Мне было плевать, как написана история: плохих историй просто не существовало – каждая была новой и дивной. И вот я сидел там все каникулы напролет и штудировал детскую библиотеку, а когда покончил с ней, углубился в опасные просторы взрослой секции.

Библиотекарям пришелся по вкусу мой энтузиазм. Они находили мне книги, учили пользоваться межбиблиотечным абонементом и заказывали издания со всей Южной Англии. Они сочувственно вздыхали, но безжалостно драли с меня штрафы, когда начинался учебный год и все мои взятые на дом книги оказывались безнадежно просрочены.

Тут еще нужно упомянуть, что они просили меня никогда никому об этом не рассказывать и в особенности не изображать себя эдаким Маугли, которого терпеливые библиотекари взрастили в библиотечных джунглях. Они сказали, что боятся, как бы люди ненароком не решили, что библиотека – это такой бесплатный детский сад.

3

Так вот... Я начал писать «Историю с кладбищем» в декабре 2005 года, продолжал весь 2006-й и 2007-й и закончил в феврале 2008-го.

А потом настал январь 2009-го. Я тогда жил в отеле в Санта-Монике, продвигал мультфильм по другой моей книге, под названием «Коралина». Два долгих дня я только и делал, что разговаривал с журналистами, и был ужасно рад, когда все это кончилось. В полночь я забрался в ванну с пеной и взялся читать «Нью-Йоркер», потом поговорил с приятелем из другого часового пояса, потом закончил читать «Нью-Йоркер». Было уже три часа пополудни. Я поставил будильник на одиннадцать, вывесил на дверь табличку «Не беспокоить» и, отплывая в сон, сказал себе, что следующие два дня не буду делать ровным счетом ничего – только спать и писать.

Два часа спустя я вдруг понял, что звонит телефон. То есть я на самом деле понял, что он уже некоторое время как звонит. Фактически, выплывая на поверхность, я сообразил, что он уже наверняка звонил и умолкал несколько раз, а это значило, что кто-то очень хочет что-то мне сказать. Не иначе как в отеле пожар или кто-то умер. Я схватил трубку – это оказалась моя ассистентка, Лоррейн, ночевавшая у меня дома с выздоравливающей собакой.

– Звонила твоя агент, Меррили; она думает, что кто-то пытается до тебя добраться, – сообщила она.

Я спросил, который час (если конкретнее, сейчас пять мать его тридцать утра и не сошла ли она часом с ума тут люди между прочим спать пытаются если ты не в курсе). Она сказала, что в курсе, который сейчас в Л.-А. час, но что Меррили (а это мой литературный агент и самая мудрая из известных мне женщин) решительно уверена, что дело нешуточное.

Я вылез из кровати, проверил голосовую почту. Никто до меня добраться не пытался. Тогда я набрал домой, сказать Лоррейн, что это все чушь собачья.

– О, как ты кстати, – сказала она. – Они как раз позвонили сюда, висят на другой линии. Сейчас дам им номер твоего мобильного.

До меня все еще не доходило, кто что пытается сделать и что вообще происходит. Было без четверти шесть утра. Впрочем, хотя бы стало ясно, что никто не умер. Зазвонил мобильник.

– Привет, – сказали оттуда. – Я Роуз Тревино, председатель комитета Ньюбери Американской библиотечной ассоциации.

А, – подумал я сонно, – *Ньюбери. Отлично. Офигеть. Получил премию, не иначе. А что, было бы мило...*

– ...у меня тут голосующие члены комитета, мы хотели вам сообщить, что ваша книга...

– «ИСТОРИЯ С КЛАДБИЩЕМ», – хором сказали четырнадцать громких голосов...

Я, возможно, все еще сплю, – напомнил я себе, – потому что они, скорее всего, такого не делают, в смысле не звонят людям среди ночи и не орут такими взволнованными голосами, если кто-то выиграл премию...

– ...только что получила...

– МЕДАЛЬ НЬЮБЕРИ, – возвестил хор.

Причем действительно очень счастливыми голосами. Я проверил на всякий случай, где я, пощупал парочку предметов – вдруг я и правда все еще сплю. Все, однако, выглядело на редкость материальным.

Так. Ты сейчас на прямой связи с пятнадцатью учителями и библиотекарями и прочим великим, мудрым и добрым народом, – подумал я. – Поэтому, ради бога, не вздумай материться, как в тот раз, когда получил «Хьюго».

Это была крайне мудрая мысль, потому что всякие могучие, крупные, четырехбуквенные слова уже накопились внутри, как тучи на небосклоне. Для таких случаев они и нужны, в конце-то концов. В общем, я сказал: «А что, уже понедельник? Правда?» – и забормотал что-то типа *ойспасибоспасибоспасибодаконецнэстоилопобудкисрединочи...*

Потом весь мир разом сошел с ума. Задолго до того, как зазвонил будильник, я уже мчался в машине в аэропорт, попутно отбивая атаки целой череды журналистов.

– Каково это, выиграть «Ньюбери»? – допытывались они.

Хорошо, – говорил я им. – Это ужасно хорошо.

Мальчишкой я любил «Трещину во времени»⁴ (хоть они и испортили первую фразу в паффиновском издании), а она была лауреатом Медали Ньюбери. Даже будучи англичанином, я считал, что эта медаль – дело важное.

Дальше меня спрашивали, в курсе ли я полемики между популярной литературой и лауреатами Ньюбери и каким боком я во все это вписываюсь? Да, признал я, в общем и целом я в курсе.

Если вы – нет, так в последнее время в сети поднялась шумиха по поводу того, какие книги сейчас выигрывают «Ньюбери», и каким ее стоит давать в будущем, и для кого вообще существуют награды типа «Ньюбери» – для детей или для взрослых. Одному интервьюеру я сознался, что победа «Истории с кладбищем» для меня самого оказалась сюрпризом, так как я честно считал, что награды типа «Ньюбери» призваны прежде всего давать дорогу изданиям, нуждающимся в помощи, а «История с кладбищем» ни в какой помощи вроде бы не нуждалась.

Я невольно встал на сторону популизма – и только потом осознал, что совсем этого не хотел.

Словно некоторые люди считают, будто есть разница между книгами, которыми, так и быть, разрешено наслаждаться, и книгами, которые для вас действительно хороши и полезны, и мне полагается выбрать те или другие. Словно всем нам полагается выбрать, на какую сторону встать. Я не думал так тогда и не думаю сейчас.

Я стоял и до сих пор стою на стороне книг, которые вы просто любите.

---

⁴ «Трещина во времени» (1962) – детский фантастический роман американской писательницы Мадлен Ленгль (1918–2007).

4

Я пишу эту речь за два месяца до того, как буду ее произносить. Месяц назад умер мой отец. Это было очень неожиданно. Он был здоров, счастлив и в лучшей форме, чем я сейчас, а потом у него без предупреждения случился разрыв сердца. Онемевший и убитый, я пересек Атлантику, произнес надгробную речь, выслушал от родственников, которых не видел десять лет, как я похож на папу, и вообще сделал все, что нужно было сделать. И даже слезинки не проронил.

Я не то чтобы совсем не хотел плакать. Дело было, скорее, в том, что в этом водовороте событий не выдалось ни секунды, чтобы просто остановиться и потрогать свое горе, дать тому, что внутри меня, вырваться наружу. Этого так и не случилось.

Вчера утром друг прислал мне сценарий почитать. История чьей-то жизни – вымышленного человека. Через три четверти сюжета вымышленная жена вымышленного персонажа вдруг умерла... – и тогда я сел на диван и заревел, как режут взрослые, с тяжелыми, душевными рыданиями и мокрой физиономией. Все невыплаканные по отцу слезы вылились наружу, оставив меня изможденным и, как мир после грозы, промытым и готовым начать заново.

Я рассказываю вам все это потому, что забыл о папе и периодически нуждаюсь в напоминании... Это напоминание получилось суровое, но целительное.

Я пишу уже четверть века.

Когда люди мне говорят, что мои истории помогли им пройти через смерть любимого человека – ребенка, возможно, или родителя – или справиться с болезнью или с личной трагедией... или что мои сказки превратили их в рьяных читателей или сделали им карьеру... когда показывают картинки или слова из моих книг, вытатуированные у них на коже в память о мгновениях, которые оказались так важны, что их решили носить с собой всегда и везде... так вот, когда все это случается снова и снова, – а оно действительно случается, – я стараюсь отвечать очень вежливо и благодарно... но в конечном счете считаю все это ненужным и неуместным.

Я писал не для того, чтобы провести кого-то за руку через трудные времена и опасные места. И не для того, чтобы превратить нечитателей в читателей. Я писал потому, что мне были интересны эти истории, потому что у меня в голове сидел жучок – маленькая такая, юркая идея, которую нужно было срочно приколоть булавкой к бумаге и изучить, чтобы понять, что я по этому поводу думаю и чувствую. Я писал потому, что хотел узнать, что будет дальше с выдуманными мной людьми. Я писал, чтобы прокормить семью.

Так что я чувствовал себя практически обманщиком, принимая эти благодарности. Я совсем забыл, чем была для меня художественная литература в детстве, забыл, как чувствовал себя в библиотеке. Книги были убежищем от невыносимой реальности, вратами в гостеприимные до невозможности миры – где у всего происходящего имелись свои правила и их можно было понять. Книги были способом узнать, что такое жизнь, не пробуя ее на вкус, или, вернее, пробуя, но так, как отравитель XVIII века пробовал свои яды: крошечными дозами, так, чтобы потом суметь справиться с порцией, способной убить всякого, кто к такому непривычен. Иногда художественная литература и есть такой способ справиться с отравой мира – так, чтобы потом от нее не погибнуть.

И я вспомнил. Я не был бы человеком, которым стал, без писателей, сделавших меня таким, – без особенных, мудрых писателей, а иногда и просто без тех, кто первым поспел на помощь.

И на самом деле они совершенно уместны – эти мгновения сопричастности, эти места, где вымысел спасает вам жизнь. Это как раз самое важное, что есть на свете.

5

В общем, я написал книгу об обитателях кладбища. Мальчишкой я был из тех, кто ужасно любит кладбища и в то же время ужасно боится. Самым лучшим – вот просто самым лучшим, самым замечательным из возможного – в кладбище сассекского городка, где я вырос, казалось то, что в свое время там похоронили ведьму, сожженную прямо на Главной улице. Разочарование, постигшее меня по достижении отрочества и выяснении того факта (после того как я разобрался наконец в надгробной надписи), что ведьма была совсем не ведьма (на самом деле это была могила трех протестантских мучеников, сожженных заживо по приказу католической королевы), осталось со мной навсегда. С него-то все и началось, а еще – с киплингковского рассказа об изукрашенном драгоценными камнями слоновьем стрекале⁵, и в итоге получился рассказ «Надгробье ведьмы». Потом он превратился в четвертую главу, но на самом деле это было первое, что я написал из всей «Истории с кладбищем» – книги, которую я вынашивал больше двадцати лет.

Замысел был проще некуда: рассказать о мальчике, воспитанном на кладбище. Вдохновила меня одна картинка: мой маленький сын, Майкл, которому тогда было два (а сейчас – двадцать пять, ровно сколько мне было тогда, и он уже выше меня ростом), катит на велосипеде по кладбищу через дорогу от нашего дома – мимо той самой могилы, которую я считал ведьминской. И светит солнце...

Мне было, как я уже сказал, двадцать пять, меня посетила идея книги, и я понял, что она стоящая.

Я попробовал расписать эту идею и понял, что задумка из нее куда лучшая, чем из меня – писатель. Но я продолжал писать – всякое другое, потихоньку оттачивая мастерство. Я писал двадцать лет, пока не понял, что теперь уже могу, наконец, взяться за «Историю с кладбищем» – или, по крайней мере, что лучше в литературном плане я уже не стану.

Я хотел, чтобы книга состояла из отдельных рассказов – в точности как «Книга джунглей». И в то же время я хотел, чтобы это был роман – потому что у меня в голове это был роман. Конфликт между этими двумя желаниями был для меня сразу и наслаждением, и мукой.

Я писал на пределе своих способностей – таков уж единственный известный мне способ что-то писать. Это, впрочем, совсем не значит, что результат выйдет хороший. Это только и значит, что ты, по крайней мере, попытался. И прежде всего я пытался написать такую книгу, которую сам хотел прочитать.

Я слишком долго корпел над началом и над концом. А потом, одной февральской ночью, вдруг взял и написал две последние страницы.

В первую главу я хотел вставить простенький стишок, но тот оставался без двух последних строчек. Теперь настало время его закончить – я и закончил. Вот что получилось:

Жизнь простерлась впереди:
Радости, тревоги.
Так иди ж – не пропусти
Ни одной дороги.

---

⁵ Имеется в виду история под названием «Княжеский анкас» из «Второй книги джунглей» Редьярда Киплинга: Маугли уносит из сокровищницы заброшенного города и бросает в джунглях драгоценный анкас (стрекало), когда-то принадлежавший княжескому погонщику слонов. Анкас находят другие люди – и гибнут один за другим, убивая друг друга, чтобы завладеть сокровищем. В конце концов Маугли снова разыскивает анкас и возвращает его хранильнице – Матери Кобр.

И в глазах у меня защипало – сразу же. Тогда и только тогда я впервые ясно разглядел, что пишу. Хотя я и думал написать книгу о детстве – ладно, хорошо, о детстве Никта, которое прошло на кладбище, но все же это было обычное детство, как любое другое, – в тот миг я понял, что пишу о том, что такое быть родителем, и о фундаментальной и комичнейшей трагедии родительства: если ты хорошо сделал свое дело, если ты хорошо воспитал своих детей, ты им больше не нужен. Если ты все сделал правильно, они покинут тебя навсегда. И у них будет своя жизнь, и свои семьи, и свое будущее.

Я сел у себя в саду, написал последнюю страницу и понял, что сделал книгу куда лучшую, чем та, которую в свое время задумал написать. Возможно, даже книгу, лучшую, чем я сам.

Спланировать такое нельзя. Иногда работаешь над чем-то во все лопатки, а пирог в духовке возьми да и не поднимись. А иногда пирог выходит так прекрасно, как тебе и не снилось.

А дальше, независимо от того, получилась ли книга хорошо или плохо, сумела ли она сделать то, на что ты надеялся, или нет, ты как писатель пожимаешь плечами и идешь дальше – куда бы это «дальше» ни вело.

Вот это мы сейчас и делаем.

6

Предполагается, что в таком выступлении вы сначала предупреждаете о том, что хотите сказать, потом, собственно, говорите это, а потом подводите итог тому, о чем сказали.

Я не совсем понимаю, что я сегодня вам сказал. Но, по крайней мере, знаю, что хотел сказать:

Чтение – это очень важно.

Книги – это очень важно.

Библиотекари – это очень важно. (И, кроме того, библиотеки – это, конечно, не бесплатный детский сад, но иногда там, среди полок, сами по себе растут и воспитываются какие-нибудь дикие дети.)

Это дивно и крайне маловероятно – стать крутым в глазах собственных детей.

Детская художественная литература – самая важная из всех литератур.

Вот.

Мы, сочинители историй, знаем, что лжем ради пропитания. Но это хорошая ложь, которая доносит до людей всякие правдивые вещи, и у нас есть обязательство перед нашими читателями – громоздить эту ложь как можно лучше. Потому что где-то есть кто-то, кому нужна именно эта история. Кто-то, кто без этой истории вырастет в другом мире и другим человеком. А с ней обретет надежду или мудрость, или доброту, или утешение.

Вот поэтому-то мы и пишем.

Это моя наградная речь, прочитанная в 2009 году на вручении Медали Ньюбери за «Историю с кладбищем».

Четыре книжных

1

Было четыре книжных магазина, которые сделали меня тем, кто я есть. Ни одного из них больше нет на свете.

Первый, самый лучший, самый чудесный и самый волшебный (потому что самый невестественный), вообще был передвижной книжной лавкой.

С девяти до тринадцати лет я посещал местную школу-пансион в качестве приходящего ученика. Как и все школы подобного рода, это был целый мир: то есть в нем имела своя кондитерская лавка, раз в неделю работала своя парикмахерская, а раз в семестр приезжал книжный магазин. До тех пор моя книжная фортуна переживала взлеты и падения в соответствии с тем, что выставлялось на продажу в нашем местном «У. Х. Смите»: паффиновские издания и армадовские, в мягкой обложке, на которые я экономил изо всех сил, – исключительно с детских полок, так как исследовать более отдаленные регионы мне в ту пору даже в голову не приходило. Впрочем, на далекие экспедиции денег все равно не было. Еще я дружил со школьными библиотеками и с местной городской. Увы, в том возрасте я был серьезно ограничен и в средствах, и в ассортименте.

А потом, когда мне стукнуло девять, у нас вдруг объявилась разъездная лавка. Она раскинула свои богатства в большом пустом классе старой музыкальной школы и – это было в ней самое лучшее! – для нее не требовалось денег: если ты покупал книги, все записывали на твой школьный счет. Это было просто чудо. Я мог покупать по четыре-пять книг за семестр в полной уверенности, что они затеряются среди всевозможных школьных выплат, где-нибудь между стрижкой и уроком игры на контрабасе, и меня никогда не поймают.

Так я обзавелся «Серебряной саранчой» Рэя Брэдбери (сборник, похожий на «Марсианские хроники», но с некоторыми отличиями). Она мне ужасно понравилась, особенно «Ашер II», дань Эдгару По. Кто такой По, я, правда, тогда не знал. Еще я купил «Письма Баламута» – полагая, что все, что сделал парень, написавший «Нарнию», просто обязано быть отменным. Я купил «Бриллианты навсегда» Яна Флеминга: обложка обещала, что скоро по этой книге снимут крутецкий фильм. И «День триффидов» и «Я, робот» я тоже купил. (Магазин вообще был богат Уиндемом, Брэдбери и Азимовым.)

Детских книг привозили на удивление немного. Это-то и было и хорошо – и очень дальновидно. При этом по большей части книги были просто великолепны: владельцы лавочки торговали такой литературой, которую дети действительно захотят читать. Разумеется, ничего скандального, спорного или подлежащего конфискации (первой книгой, которую у меня конфисковали, стала «А моему племяннику Альберту я оставляю остров, выигранный у Жирного Хагана в покер»⁶, потому что на обложке у нее красовалась художественно обнаженная молодая особа; я выудил ее обратно у директора, заявив – а попросту говоря, соврав, – будто это книга моего отца). Хоррор тоже годился: как и большинство моих одноклассов, в десять лет я был помешан на Деннисе Уитли и обожал (хотя и редко покупал) «Библиотечку ужасов» издательства «Пан». Потом был еще Брэдбери (еще и еще, в превосходных обложках от «Пана»), и Азимов, и Артур Кларк.

Долго это счастье не продлилось – всего с год или около того. Возможно, слишком много родителей в кои-то веки внимательно прочитали школьные счета и нажаловались дирекции. Но я не возражал – меня уже ждали другие горизонты.

2

В 1971 году Соединенное Королевство перешло на десятичную денежную систему. Знакомые шестипенсовики и шиллинги, с которыми я рос, внезапно превратились в новые пенсы. Один старый шиллинг теперь стоил пять новых пенсов. И как бы нас ни заверяли, что на стоимости товаров это никоим образом не отразится, вскоре даже десяти-почти-что-одиннадцатилетке стало ясно, что еще как отразилось. Цены подскочили, и весьма стремительно. Книги,

⁶ Роман английского новеллиста Дэвида Форреста, впервые опубликованный в 1969 году.

ранее обходившиеся в два шиллинга и шестипенсовик (то есть двенадцать с половиной новых пенсов), вскоре уже стоили тридцать новых пенсов или даже сорок.

Я хотел книг, но на свои карманные деньги почти не мог их себе позволить. К счастью, был один книжный магазин...

А именно – «Уилмингтон Букс», не так уж далеко от моего дома. Выбор книг там был не ахти, так как они по совместительству продавали еще и товары для художников и даже некоторое время служили почтовым отделением, зато у них, как я вскоре узнал, скопилась куча книжек в мягкой обложке, которые прямо-таки жаждали уже наконец найти своих покупателей. И нет, в те дни покупателям еще не хватало наглости рвать обложки, чтобы вернуть быстро прочитанную книжку как брак и требовать деньги обратно. Короче говоря, я просто прочесывал полки в поисках книг с ценами, указанными одновременно и в старых, и в новых деньгах, и запасался впрок крутыми книжками по двадцать-двадцать пять пенсов. «Эхо у него в костях» Тома Диша стало первой из таких находок, и это привлекло внимание юного книгопродавца. Звали его Джон Бэнкс – он, кстати, умер несколько месяцев назад, в пятьдесят с лишним. Тем магазином владели его родители. Он носил хипповые длинные волосы и бороду. Полагаю, его немало позабавил двенадцатилетка, покупающий Тома Диша. Он показал другие издания, которые могли бы прийтись мне по вкусу, и мы много говорили о книгах и о научной фантастике в частности.

Говорят, золотой век научной фантастики – это когда тебе двенадцать, и да, он был из чистого золота, как это вообще свойственно золотым векам. Казалось, кругом всего в изобилии – и тебе Муркок, и Желязны, и Дилэни, и Эллисон, и Ле Гуин, и Лафферти. (Я заставлял тех, кто путешествовал в Америку, разыскивать мне книги Р. А. Лафферти – в полной уверенности, что он просто обязан быть знаменитым писателем и автором всеамериканских бестселлеров. Как ни странно, мне действительно кое-что привозили.) В том же магазине я открыл для себя Джеймса Брэнча Кейбелла, в изданиях с предисловиями Джеймса Блиша, – и, кстати, книга Кейбелла оказалась первой, которую я вернул (это был «Юрген», и в нем не хватало последней части; пришлось идти в библиотеку, чтобы выяснить, чем все закончилось).

Когда мне исполнилось двадцать и я сказал Джону Бэнксу, что пишу книгу, он познакомил меня с человеком из «Пенгуин», который посоветовал направить ее в «Кестрель» и подсказал, кому именно. (Редактор ответила очень ободряющим «нет», и теперь я могу сказать, что чрезвычайно ей благодарен: я, видите ли, недавно перечитал эту рукопись, впервые за двадцать лет.)

Есть на свете братство людей, которые читают и которым небезразличны книги. Самое лучшее в Джоне Бэнксе было то, что он разглядел в одиннадцати-двенадцатилетнем мне члена этого братства и не только делился тем, что ему самому нравилось и не нравилось, но и спрашивал мое мнение.

3

А вот хозяин магазина «Плюс Букс» в Торнтон-Хит к этому братству явно не принадлежал – а если и принадлежал, то ничем себя не выдал.

До магазина надо было долго ехать на автобусе от школы, где я обретался между четырнадцатью и семнадцатью годами, так что попадали мы туда нечасто. Хозяин свирепо зыркал на нас, стоило нам переступить порог, явно подозревая, что мы намерены что-то стянуть (ничего подобного), и опасаясь, что мы распугаем регулярную клиентуру, состоявшую из пожилых джентльменов в плащах, нервно рывшихся в стопках мягкого порно (и не зря опасаясь).

Если мы случайно подбирались слишком близко к порнографии, он рычал на нас, будто пес. Вообще-то порно нас не интересовало. В погоне за своими сокровищами мы сразу ныряли в глубину магазина и принимались рыться на полках. У каждого тома на обложке или внутри

красовался штамп «Плюс Букс», напоминавший, что ее можно принести назад за полцены. Мы много чего там покупали, но назад никогда не приносили.

Раздумывая об этом сейчас, я дивлюсь, откуда там вообще брались книги. С какой стати в чумазом магазинишке, который если и относился к Южному Лондону, то весьма условно, водились такие залежи американских изданий в мягких обложках? Я купил все, что только мог себе позволить: Эдгара Райса Берроуза с обложками Фразетты⁷; экземпляр «Розы Экклезиаста» Желязны, от которого пахло ароматизированным тальком – и пахнет даже до сих пор, четверть века спустя. Там я нашел «Дальгрена» и «Нову»⁸ и там впервые открыл для себя Джека Вэнса.

Да, это было неприветливое место. Но из всех книжных, которые я с того времени посетил, именно в этот я возвращаюсь в своих снах, твердо зная, что в куче потрепанных комиксов непременно найду «Экшн № 1»⁹ и что там, со штемпелем на обложке, сообщающим, что ее можно вернуть за полцены, пропахшая пивом или воском, меня поджидает одна из тех книг, которые я всегда хотел прочесть, – книга из библиотеки Люсьена¹⁰: собственный приквел Желязны к «Хроникам Амбера» или, скажем, что-нибудь из Кейбелла, каким-то образом ускользнувшее из стандартных библиографий. Если мне вообще суждено их найти, это случится тут.

4

«Плюс Букс» были не самой дальней целью моих послешкольных путешествий. Самой дальней был Лондон, в последний день каждого семестра. (В конце концов, в этот день нас все равно ничему не учили, а сезонного проездного хватало на всю дорогу и на следующий день он заканчивался.) А в Лондоне был магазин, позаимствовавший имя у одной из сказок Брэдбери, вошедших в «Серебряную саранчу»: «Были они смуглые и золотоглазые».

О нем я слышал от Джона Бэнкса в «Уилмингтон Букс»: понятия не имею, бывал ли там он сам, но донести до меня, что туда я просто обязан попасть, он определенно сумел. Так что мы с Дэйвом Диксоном как-то раз взяли и добрались до самой Бервик-стрит, что в лондонском Сохо, – а там обнаружили, что магазин переехал на несколько улиц дальше, в одно из просторных зданий на Сент-Эннс-корт.

У меня была приличная сумма карманных денег, сэкономленных за целый семестр. В магазине обнаружились высоченные, качающиеся стопки уцененных твердообложечных изданий Денниса Добсона: весь Р. Э. Лафферти и весь Джек Вэнс, какой мне только что во сне не снился. Там были новые американские Кейбеллы в мягкой обложке. И новый Желязны («Дорожные знаки»). Там были полки и полки и полки и еще полки всей научной фантастики и фэнтези, о которых только может мечтать мальчишка. Воистину эту встречу предопределили небеса.

Наш союз продлился несколько лет. Продавцы дивились, но помогать не спешили (помню, как надо мной крепко, громко и публично хохотали, когда я робко осведомился, не вышли ли уже «Последние опасные видения»¹¹) – мне это было все равно. Именно туда я шел первым делом, очутившись в Лондоне. Что бы еще я ни делал, я все равно шел туда.

⁷ Фрэнк Фразетта (1928–2010) – американский художник, иллюстратор-фантаст и автор комиксов.

⁸ Романы американского писателя-фантаста Сэмюэля Рэя Дилэни (р. 1942).

⁹ Первый выпуск американской серии комиксов, в которой дебютировал Супермен; вышел в июне 1938 года.

¹⁰ Люсьен – персонаж серии комиксов Геймана «The Sandman: Песочный человек»; библиотекарь, хранящий книги, которые в свое время были задуманы, но так и остались ненаписанными.

¹¹ Неопубликованная антология научно-фантастических рассказов, которую предполагал опубликовать Харлан Эллисон. Первые две антологии – «Опасные видения» и «Другие опасные видения» – вышли соответственно в 1967 и 1972 гг. «Последние опасные видения» были анонсированы в 1973-м, но так и не увидели свет из-за недостатка средств.

Но вот как-то раз я приехал в Лондон, а Сент-Эннс-корт встретил меня пустыми окнами: магазин исчез, а его эволюционную нишу заняла «Запретная планета», протянувшая более двадцати лет, что по меркам магазинов научно-фантастической литературы делало ее форменной акулой – одной из немногих, кто выжил.

И сейчас, проходя через Сент-Эннс-корт, я всякий раз смотрю, что там заняло место «Смуглых и золотоглазых», – смутно надеясь, что в один прекрасный день это снова окажется книжный магазин. Там уже чего только не перебивало: всевозможные лавки, рестораны и даже химчистка, – но книжного пока так и не случилось.

Сейчас, когда я это пишу, книжные прошлого возвращаются ко мне как наяву – и полки, и люди... И прежде всего сами книги – с яркими обложками, со страницами, полными неисчерпаемых возможностей. Не знаю, кем бы я был без этих полок, без этих людей и мест, без книг.

Думаю, я был бы очень одиноким и пустым... Жил бы в постоянной тоске по тому, для чего и слов-то не найти.

5

И есть еще один магазин, о котором я пока не упомянул. Он очень старый и большой, с маленькими комнатками, которые крутятся в причудливом хороводе, превращаясь то в двери, то в лестницы, то в книжные шкафы... Стены их сплошь покрыты полками и полками книг – всех книг, с которыми я когда-либо мечтал познакомиться; книг, которым был очень нужен дом. Книги в стопках, книги в темных углах... По мне, так еще нужно кресло у камина, где-нибудь на первом этаже, недалеко от двери – и я бы там сидел и по большей части молчал, листая какую-нибудь старую, любимую книгу. Или даже новую... А когда в магазин приходили бы люди, я кивал бы им, а быть может, даже улыбался, приглашая бродить и рыться самостоятельно.

Для каждого из них нашлась бы книга – где-нибудь в потайном уголке или на виду. И если они сумеют ее найти, пусть забирают. А иначе пускай себе бродят и ищут, пока не станет слишком темно, чтобы читать.

Предисловие к сборнику «Наполочная жизнь: фантастические рассказы о книжных магазинах» под редакцией Грега Кеттера, 2002 год.

Три автора: о Льюисе, Толкине и Честертоне (выступление в качестве почетного гостя на Мифконе-35)

Сегодня я буду говорить о писателях, а точнее, о трех конкретных писателях и о том, при каких обстоятельствах я с ними познакомился.

С одними писателями у нас складываются личные отношения, с другими – нет. Одни писатели преображают нашу жизнь, другие – нет. Так уж оно заведено, и ничего тут не попишешь.

Мне было шесть лет, когда я увидел серию «Льва, колдуньи и платяного шкафа»¹² – по черно-белому телевизору, у моей бабушки в Портсмуте. Помню только бобров и первое явление Аслана, то есть актера в неубедительном костюме льва (из чего делаю вывод, что это была вторая или третья серия). Вернувшись домой, в Сассекс, я откладывал свои жалкие карманные гроши до тех пор, пока не накопил на книжку. Я купил «Льва...», а потом нашел и «Покори-

---

¹² Имеется в виду 10-серийная экранизация одноименной книги К. С. Льюиса, снятая в 1967 году.

теля Зари» и читал и перечитывал их снова и снова, а за месяцы, остававшиеся до седьмого дня рождения, успел внушить родителям, что лучшим подарком мне станет полный комплект книг о Нарнии. И я очень хорошо помню, как провел этот день рождения: я залег на кровать и прочитал эти книги одну за другой, от первой до последней.

А потом еще года четыре или пять я то и дело к ним возвращался. Разумеется, я читал и другие книги, но в глубине души чувствовал, что читаю их только потому, что книги о Нарнии не бесконечны.

К счастью (а может, к сожалению), мне и в голову не приходило, что все это – религиозная аллегория. Только лет в двенадцать я наконец сообразил, что тут напрашиваются *определенные параллели*. До большинства это доходит в эпизоде с Каменным Столом; меня же осенило, когда я вдруг заметил, что вся эта история с одракониванием Юстэса Вреда подозрительно похожа на то, что случилось со святым Павлом по дороге в Дамаск. Я это воспринял как личное оскорбление: автор, которому я доверял, оказался скрытым пропагандистом. Вообще я не имел ничего против религии и даже против религии в художественной литературе: к тому времени я уже приобрел (в школьной книжной лавке) и полюбил «Письма Баламута» и успел стать преданным поклонником Г. К. Честертона. Так что, думаю, расстроился я лишь потому, что Нарния стала чем-то меньшим, чем-то не таким интересным, как раньше, – в общем, более скучным местом. И все же уроки Нарнии не прошли даром. Аслан говорит, что молитвы почитателей Таш на самом деле приходят к нему¹³; тогда я в это поверил – и по большому счету верю до сих пор.

Все мое отрочество прошло под картой Нарнии Паулины Бейнс: постер с нею висел на стене в моей спальне.

Но к книгам о Нарнии я вернулся не раньше, чем сам стал отцом: в первый раз – в 1988 году, второй – в 1999-м. Оба раза я прочитал своим детям вслух весь нарнийский цикл. И обнаружил, что вещи, которые мне нравились в этих книгах в детстве, нравятся по-прежнему (и даже иногда еще больше), зато неприязнь к тем вещам, которые я еще ребенком находил странными (таким, например, как композиция «Принца Каспиана» или «Последняя битва», почти вся целиком), только усилилась. Кроме того, я заметил еще кое-какие моменты, от которых мне стало по-настоящему неуютно: например, роль, отведенную в «Хрониках Нарнии» женщинам, и устранение Сьюзен как закономерный итог подобного подхода. Но интереснее всего было другое: я вдруг осознал, насколько глубоко я пропитался Нарнией. Работая над собственными книгами, я то и дело стал ловить себя на мысли, что заимствую какие-то выражения, ритмы, способы построения фраз. Например, в моих «Книгах магии» еж и заяц постоянно соглашаются друг с другом, как льюисовские однотопы.

К. С. Льюис был первым в моей жизни человеком, под влиянием которого мне захотелось писать книги. Благодаря ему я впервые понял, что существует такой человек, как писатель, – что за словами в книге на самом деле кто-то стоит, кто-то рассказывает эту историю. Мне ужасно понравилось, как он использует скобки (авторские реплики в сторону, остроумные и непринужденные), и я с радостью подражал ему в этом во всех своих сочинениях и эссе, пока не подрос.

Для меня гениальность Льюиса заключалась в том, что мир, им сотворенный, оказался реальнее того, в котором я жил. И помню, как я подумал: если писатели пишут сказки о Нарнии, то я тоже хочу стать писателем.

Что до Толкина, то к нему я пришел каким-то неправильным путем – если, конечно, тут вообще уместно говорить о правильном и неправильном. Кто-то забыл у нас дома книжку в мягкой обложке под названием «Толкин: хрестоматия». В ней, помимо избранных стихов, «Листа кисти Ниггля» и «Фермера Джайлса из Хэма», обнаружилось эссе Питера С. Бигля

---

¹³ Вероятно, имеются в виду слова Аслана из книги «Последняя битва»: «Если кто-то клянется именем Таш и сдержит клятву правды ради, это Мною он клялся, того не зная, и Я отвечу ему» (пер. О. Бухиной).

«Волшебное кольцо Толкина». Подозреваю, я обратил внимание на этот сборник только потому, что его проиллюстрировала Паулина Бейнс. Мне тогда было лет восемь или, может, девять.

Книга меня заинтересовала поэзией и обещанием сказки.

В девять лет я перешел в другую школу и обнаружил в классной библиотеке истрепанный и невероятно древний экземпляр «Хоббита». Чуть позже я выкупил его на школьной распродаже за какие-то смешные деньги, вместе с таким же престарелым сборником пьес Уильяма Гилберта, – и этот «Хоббит» хранится у меня до сих пор.

Прошло еще около года, прежде чем я наконец открыл для себя первые два тома «Властелина колец». Они нашлись в большой школьной библиотеке. Я прочитал их. И принялся перечитывать – снова и снова. Я доходил до последней страницы «Двух башен» – и тут же возвращался к началу «Братства кольца». Последнего тома я в библиотеке не нашел, но это было не так страшно, как кажется: из того эссе Питера Бигля я уже знал, что все кончится более-менее хорошо. Впрочем, конечно, мне хотелось прочитать об этом своими глазами. И вот в двенадцать лет я выиграл школьную премию по английскому языку, и в награду мне предложили выбрать книгу. Я выбрал «Возвращение короля» – кстати, и эта книга до сих пор не потерялась. Однако прочитал ее я лишь один раз (и до чего же мне не терпелось узнать в подробностях, чем все закончилось!), потому что примерно в то же время купил наконец всю трилогию в одном томе, в мягкой обложке. На тот момент это была самая дорогая из всех моих покупок на собственные деньги – и именно это издание я с тех пор читал и перечитывал до бесконечности.

Я пришел к выводу, что «Властелин колец» – это, вероятно, самая лучшая из книг, какие только можно написать. И эта мысль завела меня в тупик. Я ведь хотел стать писателем, когда вырасту (нет, не так: я хотел стать писателем прямо сейчас), и написать «Властелина колец». Но вот незадача: «Властелин колец» был уже написан!

Я хорошенько обмозговал проблему и в конце концов нашел выход: мне надо попасть в параллельный мир, в котором профессора Толкина не существовало, и прихватить с собой экземпляр «Властелина колец». Правда, там мне придется найти человека, который согласится его перепечатать: ведь если я отправлю издателем книгу, уже кем-то опубликованную, пусть даже и в параллельном мире, они наверняка заподозрят неладное, а сам я в двенадцать лет еще не так хорошо управлялся с пишущей машинкой. Но, так или иначе, книгу издадут, и в этом параллельном мире я стану автором «Властелина колец», и это будет лучше всего на свете. Вот с такими мыслями я продолжал читать и перечитывать трилогию – до тех пор, пока необходимость в этом не отпала, потому что «Властелин колец» прочно переселился внутрь меня. Спустя годы я написал Кристоферу Толкину письмо с разъяснением одного места из трилогии, которое сам он не смог прокомментировать, а потом, к своему превеликому удовольствию, обнаружил, что Кристофер поблагодарил меня в «Возвращении Тени»¹⁴ (кстати сказать, за сведения, которые я вынес из книг Джеймса Брэнча Кейбелла, ни больше ни меньше).

В той же самой школьной библиотеке, где нашлись два тома «Властелина колец», я обнаружил и Честертона. Библиотека помещалась рядом с кабинетом школьной медсестры, и я быстро сообразил, как избегать неприятных уроков с учителями, которых я боялся: надо было просто зайти к медсестре и пожаловаться на головную боль. Медсестра растворяла в стакане воды горькую таблетку аспирина; я выпивал лекарство, стараясь не корчить рожи, после чего меня отправляли в библиотеку – посидеть спокойно и подождать, пока таблетка подействует. В эту библиотеку я захаживал и после уроков, и вообще во всякую свободную минуту.

---

¹⁴ «Возвращение Тени» – шестой том 12-томной «Истории Средиземья», составленной Кристофером Толкином и содержащей ранее не опубликованные черновики его отца.

Итак, первой книгой Честертона, которая попала мне в руки, стало полное собрание рассказов об отце Брауне. В той же самой библиотеке я открыл для себя еще сотни других авторов – и Эдгара Уоллеса, и баронессу Орци, и Денниса Уитли¹⁵, и прочих, и прочих. Но именно Честертон оказался для меня важен – и, на свой лад, не менее важен, чем К. С. Льюис.

Дело, видите ли, в том, что при всей моей любви к Толкину и при всем желании «написать его книгу» я вовсе не хотел писать именно так, как он. Толкиновские слова и фразы казались чем-то вроде природных явлений – водопадов, скажем, или скал; так что хотеть писать как Толкин было все равно что хотеть цвести, как вишня, или лазать по деревьям, как белка, или проливаться дождем, как грозовая туча.

С Честертоном же дело обстояло ровно наоборот. Читая Честертон, я постоянно признавал, что это пишет живой человек, радующийся словам и располагающий их на бумаге так, как живописец на палитре – свои краски. За каждой фразой Честертон стоял художник слова, и порой, под конец какого-нибудь особенно удачного предложения или идеально прописанного парадокса, мне казалось, что где-то там, за кулисами, автор тихонько хихикает от удовольствия.

Отец Браун, этот король человечности и эмпатии, стал стартовым наркотиком, подсадившим меня кое на что покрепче, а именно – на однотомное собрание романов, в которое входили «Наполеон Ноттингхильский» (самая моя любимая из всех литературных попыток предсказать 1984-й год, очень сильно повлиявшая на мой собственный роман «Неверреальность»¹⁶), «Человек, который был Четвергом» (прообраз всех шпионских историй XX века, и великолепный Кошмар, и бальзам на душу богослова) и, наконец, «Перелетный кабак» (в нем попадались замечательные стихи, но в целом даже в одиннадцать лет он показался мне необъяснимо узколобым; подозреваю, что отец Браун разделит бы мое мнение). А потом я открыл для себя другие честертоновские стихи и эссе об искусстве.

Честертон, Толкин и Льюис, как я уже сказал, были далеко не единственными писателями, которых я читал в возрасте от шести до тринадцати, но именно их троих я перечитывал постоянно, снова и снова, и каждый из них отчасти сделал меня таким, какой я есть. Не могу себе представить, чтобы без них я сам стал писателем и уж тем более писателем-фантастом. Без них я бы так и не понял, что правду лучше всего показывать людям с такой стороны, с какой никто и не ожидает увидеть что-то правдивое. И еще – что великолепие и волшебство веры и мечты могут войти в плоть и кровь нашей жизни и творчества. Одним словом, без этих трех писателей меня бы сейчас здесь не было. Ну и вас, понятное дело, тоже. Всем спасибо!

С этой речью я выступил в качестве почетного гостя на Мифконе-35 в Мичиганском университете в 2004 году. Мифкон – это ежегодная конференция Мифопоэтического общества. Потом я прочитал той же аудитории свой свежесочиненный рассказ «Проблема Сюэ-зен» – и, как ни странно, никто меня не удавил.

Порнография жанра или жанр порнографии

Это расшифровка речи, прочитанной в Орландо перед аудиторией, состоявшей по большей части из профессуры и научных работников. Вообще-то я подготовил другую речь, но в ходе выступления отошел от своих конспектов довольно далеко.

---

¹⁵ Эдгар Уоллес (1875–1932) – английский писатель, основоположник жанра литературного триллера. Баронесса Эмма Орци (1865–1947) – британская писательница и художница венгерского происхождения, автор детективных рассказов и знаменитого в свое время цикла приключенческих романов «Алый первоцвет». Деннис Уитли (1897–1977) – английский писатель, автор приключенческих, детективных и мистических романов.

¹⁶ В русских переводах публиковался под названиями «Задверье» и «Никогда».

Спасибо большое. Это было очень трогательно. Как ни странно, эта моя речь в некотором роде будет про увлеченное незнание. Я специально написал себе текст, потому что нервничаю, но сделал на нем кучу таких маленьких пометок зеленой ручкой, где сам себе сообщаю, что от написанного можно отойти и даже начать просто трепаться, если мне захочется. Так что я понятия не имею, как долго все это продлится. Все зависит от зеленых пометочек. Какое там у нас официальное название?

[Голос из зала: «*Порнография жанра или жанр порнографии*».]

Ага, что-то в этом духе. К жанру порнографии речь на самом деле не имеет никакого отношения: просто мне понадобилось броское название. Извиняться не буду.

Задача создателя – как следует рвануть. Задача ученого – бродить потом вокруг воронки, собирать осколки и гадать, какого рода взрыв это был, сколько народу полегло, какой ущерб оно должно было причинить и насколько ему это удалось.

Как писателю мне куда комфортнее взрывать, чем рассказывать о взрывах. Меня чарует наука, но чары эти сугубо практического свойства. Я хочу знать, как заставить вещи работать. Я люблю учиться у художественной литературы, но учиться мне интересно, лишь пока я могу как-то использовать выученное.

Когда я был мальчишкой, у нас был сад. Восемидесятилетний мистер Уэллер приходил каждую среду, что-то такое в нем делал – и розы росли, а огород рождал овощи, словно по волшебству. В сарае висели всевозможные странные мотыги, лопаты, совки и сажальники, и один только мистер Уэллер знал, для чего они все нужны. Это были его инструменты. С тех пор инструменты захватили мое воображение.

Чудо прозы – в том, что она только начинается со слов. То, что мы, писатели, даем читателю, – это еще не история. Мы не вручаем вам людей, места действия или эмоции. Мы всего лишь даем некий простейший код, грубый набросок, приблизительный архитектурный план, – и из этого сырого материала вы строите книгу самостоятельно. Во всем мире не найдется двух человек, способных прочесть одну и ту же книгу одинаково: каждый строит ее сам в сотрудничестве с автором. Не знаю, есть ли у кого-то из вас опыт возвращения к любимой книге детства... К книге, из которой вы помните какую-нибудь сцену так отчетливо, будто ее вырезали у вас под веками... И вы помните, как хлестал дождь, как гнулись под ветром деревья; помните грохот копыт и ржание мчавшихся к замку через лес лошадей, и звон мундштуков, и вообще каждый звук. И вот вы возвращаетесь, уже во взрослом возрасте, и читаете что-нибудь вроде: «– Что за скверная ночь! – молвил он, пока они вместе ехали верхами через лес. – Надеюсь, мы прибудем вскорости», – и понимаете, что сделали все сами.

Сами построили, сами создали.

Некоторые из инструментов, висящих в нашем, писательском, садовом сарае, помогают понять, что такое модели и архетипы. С помощью этих инструментов мы учимся работать в сотрудничестве, потому что читатель – это сотрудник, соратник.

Мы задаем себе большие вопросы о литературе, потому что только такие и имеют значение: для чего она, литература, нужна? Зачем нам воображение? Почему мы все это делаем? Это что, правда важно? А *почему* это так важно?

Бывает, что ответы носят практический характер. Несколько лет назад, в 2007-м, я отправился в Китай на первый, я полагаю, в истории спонсируемый государством НФ-конвент. Помню, в какой-то момент я разговорился с неким присутствовавшим там партийным функционером и заявил ему:

– Вплоть до сего дня я читал в «Локусе», что ваши не одобряют ни научной фантастики, ни НФ-конвентов и до сих пор подобных мероприятий не поощряли. Что изменилось? Почему вы его разрешили? Почему мы все здесь?

– О, вы знаете, – сказал он, – мы годами делали всякие удивительные вещи. Мы делаем ваши айподы. Делаем телефоны. И делаем их лучше, чем кто-либо еще во всем мире, – но не

мы все это придумали. Вы приносите нам идеи, а мы их осуществляем. Поэтому мы поехали в тур по Америке и разговаривали с людьми из «Майкрософта», «Гугла», «Эппла» и задавали им кучу вопросов про них самих – просто про работающих там людей. И мы обнаружили, что они все читали научную фантастику, когда были подростками. Вот мы и подумали, что, возможно, это действительно хорошо.

Последние тридцать лет я пишу истории. Я занимался этим пропитания ради уже лет пятнадцать, прежде чем мне пришло в голову задаться вопросом, что же такое история, рассказ, и попробовать дать этому полезное с практической точки зрения определение. Где-то после года раздумий я пришел к выводу, что история – это что угодно, что я выдумал и что заставляет читателя переворачивать страницы, а зрителя – продолжать смотреть на экран, и в конце не оставляет ни того, ни другого с ощущением, что его обжулили.

Дать определение часто бывает полезно. С тех пор, благодаря ему, мне нередко удавалось понять, почему тот или иной сюжет не работает и что нужно сделать, чтобы вернуть его обратно на рельсы.

Еще одним крупным вопросом, никак не дававшим мне покоя, был жанр. Я – жанровый писатель, в том же точно смысле, в каком это – жанровая конференция. Вообще-то нет проблем. Но проблемы начинаются тогда, когда нас кто-нибудь спрашивает: «Так что же такое жанр?» – потому что это сразу вызывает уйму других вопросов.

Самый важный мой вопрос – прежде всего как читателя, но и как писателя тоже – был очень простой: «Что такое жанровая литература? И что делает то или иное произведение жанровой литературой?»

Итак, что есть жанр? Начать можно с чисто практического определения: это то, что подсказывает, куда вам смотреть, когда вы пришли в книжный магазин (если умудритесь найти хоть один в наши-то дни) или в видеосалон. Жанр как бы говорит нам: вам – туда. Глядите сюда: то, что вы ищете, – здесь. Очень просто и очень мило с его стороны. Но совсем недавно Тереза Нильсен Хейден сказала мне: нет, на самом деле жанр сообщает не куда пойти и куда смотреть, а, напротив, по каким проходам и к каким стеллажам ходить смысла не имеет. Это мне показалось поразительно точным.

В магазине слишком много книг. Вы хотите, чтобы людям было проще в них ориентироваться, и ограничиваете направления поисков. Вы показываете людям места, в которых искать точно не надо. В этом весь секрет распределения книжек по полкам в книжных магазинах: вам прямо говорят, чего читать не стоит.

Проблема в том, что «закон Старджона» (гласящий, что «девяносто процентов чего угодно – сущий мусор») более чем применим к областям, в которых я довольно-таки неплохо ориентируюсь (научная фантастика, фэнтези, хоррор, детские книги, мейнстримовая беллетристика, как художественная, так и нехудожественная, и биографии). Не сомневаюсь, что точно так же он применим и к тем территориям в книжных магазинах, куда я не захожу, – к поваренным книгам, например, или к фантастическим любовным романам. А из закона Старджона, в свою очередь, следует прямой вывод: десять процентов чего угодно при любом раскладе попадет в категории от хорошего до превосходного. И это верно для любого жанра художественной литературы.

А поскольку любой литературный жанр беспощадно дарвиничен (книги приходят, книги уходят; многие несправедливо забываются; очень немногие несправедливо помнятся), естественный круговорот книг в природе сметет с полок девяносто процентов шлама... только чтобы заменить его другими девяноста процентами. Зато он оставляет вам (как это происходит, например, с детской литературой) небольшое ядро замечательно твердой породы.

Жизнь жанровым правилам не подчиняется. Она с легкостью (ну, или наоборот, со скрипом) кренится то в мыльную оперу, то в фарс, то в офисный роман, то в медицинскую драму, то в полицейскую процедуру, то в порнографию – и все это подчас за считанные минуты. По

дороге на похороны друга я как-то стал свидетелем потрясающей сцены: пассажир самолета встал со своего места, стукнулся головой о багажный отсек, тот открылся и вывалил все свое содержимое на некстати оказавшуюся рядом стюардессу. Это была самая идеальная по исполнению и таймингу дешевая комедия, какую я в жизни видел, – и самое ужасающе наглядное смешение жанров.

В общем, жизнь кидает нас то туда, то сюда. Жанр обещает некую предсказуемость в своих заданных рамках, но дальше снова встает тот самый вопрос – что есть жанр? Дело ведь отнюдь не в сюжете. И даже не в тональности описания.

Мне всегда представлялось, что жанр – это набор допущений, эдакий свободного рода контракт между творцом и аудиторией.

Американский киновед Линда Уильямс еще в конце восьмидесятых написала превосходное исследование по хардкорной кинопорнографии под названием «Прочный стержень: власть, наслаждение и „визуальный экстаз”», которое попало мне более или менее случайно (я был книжным обозревателем, и оно прилетело ко мне на стол для обзора). Я был тогда еще совсем молод, и эта работа заставила меня переосмыслить все мои тогдашние представления о том, как формируется жанр.

Нет, я был в курсе, что не все произведения похожи друг на друга, но я понятия не имел, почему это так.

Профессор Уильямс в своей книге предположила, что к пониманию порнофильмов лучше всего подойти через сравнение с мюзиклами. В мюзикле вы ожидаемо получаете различные песенные номера: соло, дуэты, трио, хоровые композиции. Их поют мужчины женщинам, женщины – мужчинам; эти песни могут быть медленные, быстрые, радостные, любовные и так далее. Точно так же и в порнографической картине содержится некоторое количество различных сексуальных сценариев, через которые вы вместе с героями должны пройти.

Сюжет в мюзикле нужен только для того, чтобы переходить от песни к песне – ну, чтобы не приходилось петь их все одновременно. Точно так же происходит и в порнографии.

Далее, что еще важнее, песни в мюзикле – это, конечно, не то, ради чего вы пришли его посмотреть. Вы приходите ради всего вместе: сюжета, истории и всего остального. Но если собственно песен в спектакле не будет, вы как зритель почувствуете себя обманутым. Если вы пришли на мюзикл, а вам не дали песен, вы уйдете с полным ощущением, что зря выбросили деньги. С другой стороны, после «Крестного отца» вы, само собой, не станете возмущаться: «Какого черта, там совсем не было песен!»

Если их оттуда убрать – песни из мюзикла, половые акты из порнофильма, перестрелки из вестерна – из произведения исчезнет то, что люди пришли смотреть. Зрители пришли именно на этот жанр, именно за этими сценами, и они почувствуют себя обманутыми и решат, что за это не стоило платить денег, что то, что они прочли или посмотрели, каким-то образом подло нарушило заранее установленные правила.

И вот когда я это понял, я сразу понял еще очень много всего. У меня в голове как будто лампочка зажглась: некий фундаментальный вопрос, который я задавал себе еще с тех пор, как был мальчишкой, внезапно получил ответ.

Я знал, что бывают шпионские романы – и романы, в которых действуют шпионы; ковбойские книги – и книги, действие которых происходит среди ковбоев на Диком Западе. Но до того мгновения я никак не мог сформулировать, в чем между ними разница, а тут вдруг у меня получилось. Если сюжет – это машина, позволяющая переезжать от эпизода к эпизоду, а сами эпизоды – это то, без чего читатель или зритель почувствует себя обделенным, обманутым, то (независимо от конкретного содержания) перед вами жанр. Например, если сюжет нужен для того, чтобы перенести вас от одинокого ковбоя, въезжающего в город, к первой перестрелке, потом – к угону скота и, наконец, к главному конфликту, то это вестерн. А если все это – просто события на пути персонажа, а сюжет их окружает, обтекает, может обойтись без них и

вообще ему, сюжету, в целом плевать, есть они там или нет, то это роман, действие которого происходит на Диком Западе.

Если каждое событие – часть сюжета, если все происходящее имеет значение, если в произведении нет сцен, предназначенных лишь для того, чтобы перекинуть аудиторию к следующему эпизоду, за который она заплатила, то это настоящая история, а на жанр можно забить.

Смысловое наполнение еще не делает жанра.

Преимущество жанра для создателя состоит в том, что жанр задает правила, по которым можно играть – и против которых тоже можно играть. Это сетка координат и общий рисунок игры. Иногда жанр придает тебе уверенности.

Еще одно преимущество жанра лично для меня – в том, что он выводит историю на первый план.

Истории содержат модели, которые влияют на другие истории, идущие следом за ними.

В восьмидесятые мне, молодому журналисту, выдали толстую стопку любовных романов-бестселлеров с названиями, состоящими непременно из одного слова (вроде «Кружева» или «Терзания»), и велели написать о них три тысячи слов. Я ушел и честно сел их читать – сначала озадаченно, затем со все нарастающим удовольствием. Постепенно до меня начало доходить, что все они кажутся такими знакомыми по одной простой причине: мы и правда уже встречались. Все это были переложения сказок, совсем старых, которые я читал еще мальчишкой, но перенесенных в наши дни и здешнюю реальность и щедро приправленных сексом и деньгами. И хотя в британском книгоиздании подобный жанр называют «шопинг-трахинг-романом», книги эти были не про шопинг и не про трах, а про традиционное «что случится дальше», причем с ужасно знакомой и предсказуемой структурой.

Помню, как я хладнокровно и расчетливо накопал собственный опус: там фигурировала невероятно красивая юная особа, впавшая в кому из-за махинаций своей зловредной тетки и провалявшаяся в бессознании большую часть книги, пока благородный молодой ученый героического склада личности сражался, чтобы вернуть ее к жизни и спасти семейное состояние, и в конце концов был вынужден пробудить ее тем, что в шопинг-и-трахинг жанре считается за поцелуй. Одним словом, я составил коварный замысел, но так никогда и не реализовал его. Мне не хватило цинизма писать то, во что я не верю. Если уж переписывать «Спящую красавицу», нужно найти способ лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.